

Елена
Стельмах

СВЕТ НЕОТКРЫТОЙ ЗВЕЗДЫ

Определяемся с датой проведения торжеств в честь 210-летнего юбилея прославленного земляка Адольфа Янушкевича. Октябрь улетает в небо с запоздалыми птичьими стаями, кружит последней позолотой листвы. Впереди – нудные дожди и промозглые холода, неизменные попутчики глубокой белорусской осени. А дел предстоит еще немало. На семейном (Панском) кладбище Янушкевичей в деревне Дягильно Дзержинского района необходимо закончить возведение каплички над надгробьем матери Адольфа – Тёкли Соколовской. Ждем, что ответят на наше приглашение из Казахстана. Присутствие гостей из мест, где Адольф Янушкевич значительную часть своей жизни отдал укреплению веры и духа казахских кочевников, предрекая этому народу великое будущее, считаем крайне необходимым.

По стечению обстоятельств торжества назначаются на начало ноября. Чуть позже приходит глубинное осознание этой даты – это же Дзяды, издревле почитаемый белорусами день памяти своих предков! Осеняют строки из известных «Дзядоў» Адама Мицкевича, где прототипом героя одной из глав поэмы стал Адольф Янушкевич. Он был убежденным сторонником творчества великого польского поэта, состоял с ним в дружеских отношениях. Осмысливая все это, невольно хочется верить в знамение свыше...

Человек и время. Как сопоставимы эти понятия? Кто-то уходит из жизни сегодня, и уже завтра его имя исчезает в безызвестности. Другому суждено воскреснуть из небытия даже через столетия.

След на земле. Не он ли мерило исторической памяти? Затеряется ли этот отпечаток среди песчинок в море людских судеб? Или через века нескончаемый людской поток будет течь к надгробью, чтобы поклониться праху великого предшественника? Все зависит от дел земных, от того, с какой целью каждый начинает свой путь, каким содержанием наполняет по нему движение.

«О дивные человеческие судьбы!» – в сердцах воскликнет Адольф Янушкевич, когда ему придется «плыть по сухому океану киргизской степи» и изучать совершенно неведомый мир, «лежащий на самом краю европейской цивилизации»...

Адольф Янушкевич – поэт, этнограф, путешественник... Верный представитель поколения романтиков, бунтарь, сподвижник ... Умение в непростых жизненных испытаниях противостоять обстоятельствам, понимание нужд и чаяний других народов вызывают восхищение, делают необычайно притягательной его

личность. И это при том, что еще не раскрыты все стороны его многообразной деятельности, как под сибирскими сугробами, укутанной пеленой времени. До конца не разгадана его тонкая натура поэта, вознесшаяся к небесам на высоких струнах души.

ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО – ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

Родился Адольф Янушкевич в начале XIX столетия в Несвижском замке – колыбели магнатской столицы. Сама эпоха предрекала ему беспокойную судьбу, наполненную учебой на литературном отделении Виленского университета, путешествиями, революционными настроениями молодежи, участием в восстании, двадцатипятилетней ссылкой в Сибирь, возвращением на Родину... Но осознание всего этого произойдет спустя время, когда на полотне жизни выткется замысловатый узор человеческих взлетов и падений...

Его отец, Михаил, служил у Радзивиллов и являлся доверенным лицом у Михаила Геронима Радзивилла, крестного отца Адольфа. Мать, Текля, приходилась внучкой родной сестре Тадеуша Костюшки. Детские годы Адольфа прошли в белорусской деревне Усово рядом с Копылем. В апреле 1821 года супруги Янушкевичи подписали протокол актикации о переходе усадьбы Дягильно, которое состояло из деревень Малое и Большое Дягильно и застенка Садковщина (на бывшей Койдановщине Минского уезда) от князя Радзивилла в их владение. Из Дягильно их старший сын, Адольф, уехал на учебу в Виленский университет.

От высоких духовных начал идут истоки понимания Адольфом толерантного менталитета белорусов, уважительного отношения к людям. И сын своего времени становится тем, кто честь, достоинство, любовь к Родине ценит превыше всего. Неспроста уже в 23(!) года Адольфа Янушкевича избрали в Каменце-Подольском депутатом Гражданской Палаты в Главном Суде. Но уже тогда его здоровье требует лечения, беспокоит болезнь века – чахотка.

В сентябре 1830 года, похожий на Пушкинских героев, наделенных лучшими добродетелями, Адольф вернулся из продолжительного путешествия по Западной Европе. Двадцать месяцев пребывания за границей прошли для него в такой «роскоши духа», на которые он часто оглядывался «среди гнетущих пустот изгнания, как на цветущий оазис прошлого». Озаряли воспоминания того, «как с вершины Альп спускался в прекрасные долины Италии; когда с Капитолия смотрел на руины форума или в венецианской гондоле грезил о возлюбленной»... Эти счастливые мгновения путешествия теперь, у обреченного на жизнь в ссылке свободолобивого бунтаря, вызывали лишь «жалостливые вздохи»...

Но разве тогда полного молодых сил и энергии, уверенного в себе Адольфа, могли остановить какие-то возможные превратности судьбы? Новость польского историка и общественного деятеля, преподавателя Виленского университета Иохима Левеля о готовящемся восстании Адольф воспринял как призыв к действию. Ему едва хватило времени на «приветствия после длительной разлуки», как он тут же развил бурную деятельность: вошел в созданный комитет Легиона Литвы, Вильно, Подолья, Украины. Именно он вдохновил польского поэта Юлиана Словацкого на написание «Марша Литовского легиона», пожертвовал 1000 злотых на нужды восстания, от имени матери передал в кассу повстанцев кольцо с бриллиантом.

В марте 1831 года, будучи адъютантом руководителя Легиона, Адольф Янушкевич участвовал в военных действиях, получил тяжелейшие ранения, упал с коня и был взят в плен. Вместе с другими заключенными под усиленной охраной его повели по этапам через Брест, Москву, Симбирск до Вятки.

Как же отличалось это путешествие от прошлогоднего! Он нигде не упоминал о том, что происходило с ними на протяжении полугода. Более трех тысяч километров шел, в глубине души храня только скорбь и веру в Бога...

В 1832 году из Вятки Янушкевича переслали в Киев с тем, чтобы суд в отношении его вынес соответствующий вердикт. Адольф не раскаивался в своих поступках, утверждал, что его участие в восстании было осмысленным и соответствовало его убеждениям.

Суд признал Янушкевича одним «из самых опасных и упорных преступников империи». Было бы наивным рассчитывать на иной приговор. 21 февраля 1832 года полевой аудиториат принял решение: смерть через повешение.

Отнесся ли стойкий бунтарь к благоволению царя спустя некоторое время изменить высшую меру наказания на пожизненную ссылку – поселение в Сибири, конфискацию имущества, лишение дворянских привилегий – как ко второму рождению сегодня сказать сложно. Но судя по тому, как он жадно стремился делать все, что могло быть дозволено ссыльному, он действительно воспользовался этой возможностью как подарком судьбы.

За него не однажды ходатайствовали перед царем, в том числе мать подавала свои прошения. «Если Бог даст, – писал Адольф из Тобольска в январе 1833 года, – что сбудутся мои ожидания и надежды Мамы, не могу представить всей силы чувств, всей величины счастья, которое только вместит мое сердце в ту минуту, если возле ног я увижу землю мою, моё небо и все, что есть для меня самым милым». Сбыться этим мечтаниям было не суждено еще в течение более двух десятилетий. Прочитав протокол, Николай I запомнил фамилию гордого инсургента и вплоть до смерти вычеркивал ее из списков, представляемых для помилования.

«ТАК БУДЕМ ЖЕ ПЕЧАЛЯМИ ЗАВЕТНЫМИ ДЕЛИТЬСЯ ЗДЕСЬ, В ОТЧИЗНЕ ВЬЮГ...»

Почти восьмилетний период в изгнании «в полном расцвете мужских сил – между тридцатью и сорока годами» – Янушкевич провел в сибирской деревне. Перед выездом из Тобольска он писал: «Буквально сию минуту узнал, что в воскресенье, то есть 10 декабря, оставляю Тобольск и еду в Ишимский округ, в деревню Жилияковку. Буду теперь как арендатор-переселенец. Купил себе огромные сани и, упаковавши себя самого и все свое имущество, накопленное за полтора года, двинусь скоро в дальнюю сторону и, как простой крестьянин, буду сажать репу на берегах Ишима и Карасули».

Рисуя картину будущей жизни, Адольф в действительности не представлял ее. Только время расставит все по своим местам. Пребывание Адольфа Янушкевича на этой земле значительно повлияет на его творчество, восприятие действительности. Описания сурового и по-своему прекрасного края останутся в его литературном наследии.

В Жилияковке начался период глубокого осмысления его нынешнего положения, обустройства быта, различных знакомств. «Копая садик, гоняюсь за утками и

зайцами, ловлю рыбу, беспрестанным движением сопротивляюсь меланхолии, которая так легко нападает в подобном моему положении, купил коня, развожу скот, выбираюсь на пастбище, жаль только, что край этот – не Аркадия», – писал Адольф в одном из писем, рассказывая матери о своем житье-бытье, которое старался видеть пусть и несветским, но далеко небезнадежным.

По признанию Янушкевича, его окружали «простые люди, но очень порядочные». «Я доволен ими так же, как они мной. Живу у них уже третий год и не испытал ни одной неприятности, ни одна булавка у меня не пропала, хотя выходя из дома никогда не беру с собой ключей».

Вскоре Адольф Янушкевич познакомился с близким по духу и таким же, как он, ссыльным, отбывающим наказание декабристом, поэтом Александром Одоевским. Они быстро нашли общий язык в вопросах литературы, искусства, истории, политики. Обменивались журналами и книгами, которые получали от родных и знакомых, обсуждали новости с Запада, вспоминали былое...

Адольф поделился с Одоевским кипарисовой веточкой, которую во время своих путешествий по Европе сорвал с дерева у могилы Лауры, возлюбленной Петрарки. Интерес к творчеству великого итальянского гуманиста у Янушкевича был не случаен. Петрарка отличался высоким патриотическим настроем, который, в частности, отразил в известной песне «Моя Италия», скорбел по поводу раздробленности своей родины, призывал к прекращению междоусобицы. Неспроста из путешествия Адольф вернулся в приподнятом настроении и тут же пополнил на Родине ряды мятежников.

Какой могущественной силой обладала эта хрупкая веточка в глуши сибирской тайги! Она служила символом высокой духовной ценности, значимость которой не смогли принизить годы изгнания. Воодушевленный А. Одоевский в стихотворении-посвящении А. Янушкевичу признается в созвучии их душ:

«Так будем же печальми заветными
Делиться здесь, в отчизне вьюг».

Человек деятельный и талантливый, Янушкевич с крестьянским интересом посвящал себя сельскохозяйственному труду и с достоинством интеллигента занимался научной работой. Он перевел монографию «История захвата Англии норманнами» французского историка Августа Тьери, активно переписывался с друзьями, в том числе Адамом Мицкевичем, составлял библиотеку для ссыльных.

«Пусть мама не думает, – писал Адольф в одном из писем, – что я постоянно сижу над книгами. Я всегда нахожу себе что-нибудь новое для полезного использования времени. Занимаюсь переплетным делом, даю уроки, двух моих товарищей обучил французскому на столько, что они теперь могут читать любую книгу...» Он был примером для других ссыльных, которые оказавшись в изгнании, далеко не все смогли перестроить жизнь на новые рельсы. Янушкевич доказал, что его невозможно обречь на сибирское прозябание.

«БУДУ В СТОРОНУ СМОТРЕТЬ, ГДЕ ДЗЯХЫЛЬНА...»

Никогда не прерывалась пусть и тонкая ниточка его связи с Родиной. В мыслях, делах он невольно соприкасался с тем, чем было наполнено его естество. «Теперь разбиваю с моим товарищем и соседом по квартире (Иозефом Новаком), одноногим, как мой свояк Михась, садик перед нашими окнами. Это будет нечто

оригинальное, так как он собирается украсить свою половину цветами, а я свою – сосной, березой и терновником; он на своем участке будет делать диванчик, а я же на своем намереваюсь насыпать высокую гору, с которой буду смотреть в ту сторону, где находится Дзяхьльна...»

Каковы же были удивление и радость, когда из семян, присланных из Дзягильно, на разбитой им бахче выросли арбузы!..

Все время пребывания в чужих краях взоры Адольфа через «радужную призму надежды» были устремлены именно к этому месту, где трепетно и нежно произносили его имя родные и близкие люди. «Сегодня получил письмо от мамы, Зоси, Касыльки, Стефании и Томаша. Едва ли протер глаза, как мне принесли столько милых свидетельств памяти самых дорогих для меня людей. Не могло быть более приятного для меня начала года».

Особая теплота отношений связывала Адольфа с матерью. Очень трогательна ее материнская забота о попавшем в беду сыне, ее гнетет страх потерять его. Она, исполненная горести и печали, ехала по ухабистым дорогам, чтобы поддержать его в трудный час, рвалось ее материнское сердце, чтобы согреть сына теплом среди сибирских морозов. Потому и сыновняя любовь – безгранична:

«О, дорогая мама! Как же я благодарен тебе за то, что не жалела времени и труда, рисуя картину своей жизни, настоящего положения своего и всех несчастливых превратностей судьбы. Картина эта отпечаталась в моем сознании и будет для меня впредь лучшим примером того, как мне следовать тернистой дорогой моего печального предназначения. Лишь бы Бог дал мне такую выдержку. Лишь бы когда-нибудь позволил к стопам твоим возложить благодарность за такой спасительный пример».

Он называет ее «самой лучшей мамой на свете»:

«Последняя почта принесла мне праздничные поздравления и подарки. Мама не поверит, сколько каждый праздник стоит мне здоровья. Представляю, как в каждый такой день мама вспоминает, что когда-то все мы лично поздравляли ее, а теперь меня нет, и это воспоминание заставляет ее ронять слезы. А это все разрывает мне сердце и душу».

Была еще одна боль, которая, трудно сказать, притупилась ли с годами несмотря на то, что Адольф отпустил от себя Стефанию Гиновскую. Очень откровенны его признания:

«Ее образ слишком сильно живет в моем сердце, чтобы какой-то другой мог его заменить. Когда в Риме, когда в Милане, в Венеции, в каких еще местах не стал жертвой привлекательных женских глаз, то Стефания может быть убеждена, ей не так просто потерять надо мной власть». Перед своей поездкой на «воды заграничные» он написал сонет «Отъезд», посвящая который Стефании, признавался ей в любви.

Сладкие мечты влюбленных разбились о тяжесть приговора. Но Стефания не теряла надежды. По разрешению своей матери она прислала Адольфу свадебное колечко с ее именем; писала письма, полные самых нежных чувств; утверждала, что «Сибирь не является для нее препятствием» и «отчаяние ее будет бесконечным, если он не поддержит ее намерений».

Честь и совесть Адольфа не позволяли из сибирской дали сделать шаг навстречу возлюбленной. Он не мог обречь ее, будущих детей на страдания и лишения, которых было достаточно ему одному. Потому так мучительно рождались строки

письма, в которых Адольф сообщал о «невозможности благополучного результата» в решении их судеб, с отчаянием возвращал колечко назад. Каково ему было пожелать любимой счастья с другим?!

Более шестисот писем, каждое из которых шло не меньше месяца, за время нахождения Адольфа в изгнании, доставила почтовая служба в Дягильно. В своих весточках на родину он писал «тысячи слов, исходящих из глубины сердца». Он не раз благословлял отличную зимнюю дорогу, которая так быстро приносила ему новости из дома.

Письма во многом носят семейно-бытовой характер, но надо было иметь талант такой величины, какой был присущ Адольфу Янушкевичу, чтобы в них так содержательно передать не только его личные чувства и переживания, но и создавать образные картины того многообразного мира, которые ему самому довелось лицезреть.

«НАРОД, ОДАРЕННЫЙ ТВОРЦОМ...»

В августе 1841 года А. Янушкевича перевели в Омск. По случаю бракосочетания цесаревича ему разрешили поступить на государственную службу с присвоением чина «коллежский регистратор». Вскоре его приняли на службу в Канцелярию пограничного начальника сибирских казахов, которых в то время называли «киргизами». Янушкевич был назначен секретарем комитета «по уложению проекта киргизского права».

Судьба ему уготовила новую роль – путешественника, и с любопытством наблюдала: как же он ею воспользуется?

Во время пребывания на торжествах в Дзержинске писатель из Казахстана Омар Хаким скажет: «В лице А. Янушкевича мир потерял великого классика-романиста. Однако в его лице казахи приобрели непревзойденного тюрколога».

Казахи считают, что это по воле руки Божией Адольф Янушкевич участвовал в восстании, остался жив и ему было суждено «исполнить свою великую миссию — запечатлеть уходящий мир кочевников».

Летом 1843 года Янушкевич, вступив на казахскую землю, испытал те же чувства, что и А. Пушкин, когда поэт в поисках материалов для «Капитанской дочки» побывал в Западном Казахстане. «О как пусто и грустно, ни одного деревца поблизости,» – огорченный увиденным восклицает Янушкевич. Ему в течение многих дней предстоит открывать многовековые тайны незнакомой вселенной – степи, в которой казах ориентируется с удивительной точностью: знает каждый куст, камешек, неровность, различит масть показавшейся на горизонте лошади. И совсем другим этот мир представляется европейцу. Слишком непростыми были эти поездки в дикую степь для славянина. Ему приходилось преодолевать расстояния, которые нелегко давались даже привычным к долгим переходам казакам Сибирского казачьего войска.

«И я, видимо, помаленьку превращаюсь в казаха, и юрта становится для меня обычным жилищем», — неожиданно для себя осознает Янушкевич. И казахи признают его за своего: «Он почувствовал «внутреннее сердцебиение казахской степи».

В 1845 году во время своего очередного путешествия Янушкевич достиг границы Казахстана с Китаем. В 1846 году он участвовал в русской миссии

российского генерала Николая Вишневого, которая из Омска добралась до гор Алатау и озера Алаколь.

Двигаясь по степи, он шаг за шагом все больше проникает в ее глубины, раскрывая тайны удивительного мира природы, привязывается к ее ландшафту, восторгается феноменальным народом – казахами. Он не случайно оказался в составе экспедиции – ценилась его разносторонняя образованность. Он вошел в дипломатический отряд Виктора Ивашкевича (Виктор Ивашкевич, посланный за организацию тайного общества «Черных братьев») и исполнял там должность историографа, вел канцелярскую работу. Отряду Ивашкевича предстояли разбор жалобы кочевников одной из волостей на управителя, примирение враждующих сартов и киргизов в Аягузе, выборы старшего султана Аягузского округа, перепись населения и скота в Средней Орде. Но главной задачей был поход на пограничную реку Лепсы для принятия в российское подданство Семиречья. Ссылный революционер оказался в гуще жизни казахской степи: лечил больных лихорадкой, мирил и объединял враждующие племена, добросовестно переписывал местное население.

«Это первый такой чиновник – не кричит, не бранится. С того времени, как мы родились, мы не видели, не слышали и не представляли себе такого чиновника,» – недоумевали казахи.

Все, что лицезрел, Адольф записывал в так называемый «Дорожный дневник», в котором ставил кочевников на уровень европейских народов.

В современной оценке самих казахов, созданные Адольфом Янушкевичем «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» – это не просто путевые заметки путешественника. Это произведение, как классический роман, построено на внутренних коллизиях, здесь есть свои положительные и отрицательные герои. Автор находит удивительные черты и картины сходства и достигает необычного накала эмоций, впрочем, со свойственным ему юмором. Казалось бы, незначительные факты в его описании тонко подчеркивают самобытность степняков:

«Виктор сердито выбранил меня за нарушение правил казахского этикета: я подставил руки под струю воды вместе с ним, а надо было, о чем я не знал, мыть каждому по отдельности, даже не стоя, а присев на корточки. И вторая такая же важная ошибка: я вел себя, как голодный пес, набросившись на еду, стал грызть бараний мосол, в то время, как хорошо воспитанный человек должен обрезать его пшакон – ножичком, всегда специально для этого висящим на поясе каждого казаха».

«Автором фактически создан этнографический портрет народа, который искусно вырисовывается на каждой странице. К тому же представлен великолепный сборник хроник событий, впечатляет коллекция антропонимов, привлекают просто интересные истории степной жизни. Это позволяет европейцам мир, в котором живут казахи, видеть другими глазами – полными любопытства и восхищения», – такую оценку труду Адольфа Янушкевича дает Омар Хаким.

Среди тех, с кем виделся А. Янушкевич, вместе разбирал спорные дела, вел беседы на разные темы, он выделяет многих деятелей: султанов, ведущих свое родство от самого Чингисхана, биев, волостных, богатых и бедных, деловых и простаков. Например, Кунанбая Ускембаева, отца великого Абая, Янушкевич величает степным Цицероном: «Одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников,

большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся казахов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые... Каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головы».

На страницах «Дневника» оживают живописные картины природы, созданные натуралистом. Автор восхитительно пишет о великолепном озере Алаколь о красоте Тарбагатая, о величии Алатау. «Ни один король в мире не живет в такой прекрасной, такой романтической стороне, как наш казах!» – восклицает А. Янушкевич, говоря о несравненной прелести казахской земли.

Пронзительный взгляд помог Янушкевичу сделать пророчество через столетия. Он был уверен: «Акмола, например, будущая столица всей степи». А глубинное понимание особенностей степной жизни позволило предречь казахам большое будущее: «Народ, который одарен творцом такими способностями, не может остаться в стороне от цивилизации: дух ее когда-нибудь проникнет в киргизские пустыни, разнесет здесь искорки света и придет время, когда номад, который сегодня кочует, займет достойное место среди народов...»

Среди работ по истории Казахстана XIX столетия исторические труды, созданные Адольфом Янушкевичем, бесценны.

БИБЛИОТЕКАРЬ, «САМОДЕРЖЕЦ» САДА И ДАЖЕ — АСТРОНОМ

В феврале 1853 года Адольф получил сообщение о том, что судьба делает новый поворот: его переводят в Нижний Тагил. Он попадает под опеку промышленников Демидовых. Предысторией такого решения стала встреча осенью 1852 года брата Адольфа, Ефстафия, в Карлсбаде с Анатолием Демидовым, который решил принять участие в судьбе ссыльного Янушкевича.

Адольфа назначили главным садовником графа Анатолия Демидова и по совместительству библиотекарем заводской библиотеки, открытой по распоряжению А. Н. Карамзина.

Адольф организует сбор коллекции камней, гербариев для краеведческо-минералогического музея; принимает активное участие в написании многотомной истории хозяйства Демидова; приводит в порядок подшивки альбомов с письмами Карамзиных о последних днях жизни и обстоятельствах смертельного поединка Пушкина. Здесь ему предоставляется возможность обобщить труды, собранные во время поездок по Казахстану.

Но все же наибольший интерес у него вызывает библиотечное дело. Библиотека и кабинет для чтения находились на втором этаже двухэтажного флигеля, расположенного слева от заводууправления. Основу фонда составляли книги, присланные А. Н. Демидовым из библиотеки Выйского училища. Литературу приобретало и заводууправление. Янушкевич получал все присылаемые издания, расписывался за них, составлял каталоги, расставлял тома по полкам. В библиотечном фонде числилось 1215 томов.

Согласно «Уставу библиотеки» пользоваться ею разрешалось лишь служащим заводууправления, священникам, приказчикам (начальникам цехов) других заводов горного округа. В Нижнем Тагиле это была первая библиотека общего пользования, а Адольф Янушкевич – ее первым библиотекарем.

Неудивительно, что новое место вдохновило Адольфа. Здесь, в царстве книг, в сокровищнице человеческой мудрости, среди читающей публики, он ощутил себя равным среди равных. Потому с таким воодушевлением делился душевным состоянием с родными:

«С половины десятого до половины первого, от 6 до 9, а когда много работы и до 10 вечера, нахожусь в библиотеке. Плохо было бы, если бы я ошибся и приходил на службу позже, потому что уже к этому времени собирается много читателей ожидая меня. Особенно утром я не располагаю ни минутой свободного времени, настоящий «перпеттум мобиле». Радует, что двигатель этот при исполнении своих функций приносит каждому читателю немалое удовольствие. Если бы вы видели, в каком фаворе я у местного населения! Особенно его прекрасная половина благодарна мне вдвойне. Летом виною тому произведения моего сада, создаваемые прежде всего для этой половины, зимой – лекарство от скуки длинных вечеров, которое подается ей вежливо и предупредительно».

«Мало того, что я являюсь библиотекарем, но и «самодержцем» сада, – общал он о своем новом статусе матери и не без гордости добавлял: – Пришлось стать и астрономом!» Янушкевич вел астрономические и метеорологические наблюдения во впервые созданной им на Урале обсерватории, о которой давно мечтал Демидов.

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЕСНА

И вот – долгожданная весть об амнистии. Она пришла в апреле 1856 года, только после смерти царя.

Встречай, родина, истосковавшегося душой и телом сына, личное счастье променявшего на борьбу за твою независимость! Встречай изгнанника, который тщетно сражался за свободу в одной части света, и, неся за это наказание, укреплял дух и веру в светлое будущее другого народа! «Снилось ли мне когда-нибудь, что я в другой части света буду играть роль дипломата среди народа мало мне известного», – писал Янушкевич друзьям. Везде, куда бы ни забрасывала его судьба, он оставил о себе добрый след, как впрочем и «часть своей души».

Но получил ли Адольф ту радость, о которой грезил долгие годы под завывание сибирской вьюги, под свист ветра в казахской степи? Не раз он мысленно представлял свое возвращение домой. В одном из писем подзадоривал племянницу для столь торжественной встречи выучить какой-нибудь гимн. «Что терпел от страданий ежедневных, что передумал в своих ночах бессонных?» – все осталось позади...

Каждое письмо из родного края он ждал словно ласточку, которая на крыльях несет весну. И пришла она, эта весна. Но какой оказалась запоздалой...

Галопирующая болезнь легких стала мучить его еще в марте. До того здоровье было подорвано десятком горячек, двумя воспалениями легких и горла, три зимы подряд его ломал ревматизм. Суровый климат сделал свое губительное дело. В апреле Адольфу стало настолько плохо, что он вынужден был просить об увольнении.

Буквально через пятнадцать минут после подачи прошения об амнистии он узнал, что оно удовлетворено. Казалось бы, немислимо долгожданное слово «свобода» его окрылит. Но болезнь брала верх. Адольф, видя, что ему с ней не

справиться, решил «отдаться во власть Божию» и как можно скорее покинуть Тагил, тем более что и доктор ему настойчиво рекомендовал сменить климат.

Природа, которая пела, звенела всеми голосами весенних мелодий, цвела буйством красок, и через четверть века была восхитительна. Мощь и красота ее пробуждения от темноты, холода и вьюг – вечны в своем торжестве. Адольф невольно поймал себя на мысли, что когда он пленником преодолевал километры изнуряющего пути, так же радовалась жизни пышущая весна. Но и тогда, и сей час он не мог слиться с ней воедино, почувствовать гармонию жизни. Сначала он следовал тернистым путем навстречу туманному будущему, теперь здоровье было «утрачено бесповоротно»...

Дягильно ждало того, о ком денно и ночью не покидали горестные думы; чье имя сполна омыто горькими слезами; чьи весточки передавались из уст в уста как самая большая радость. Где он, близкий – далекий изгнанник? Скорее бы увидеть, протянуть к нему руки...

17 июля 1856 года навстречу Адольфу вышли мать, родственники, друзья. Хлебом-солью его приветствовали деревенские люди. Но недолго он смог быть в дорогих объездах, попросился поскорее прилечь. Несмотря на всевозможное лечение, болезнь не отступала, туберкулез изматывал его обессиливающее тело. В конце апреля 1857 года Адольф еще смог написать братьям в Париж: «Боже! Сколько я вытерпел за все это время, сколько терплю до сих пор!» Утром 6 июня 1857 года его не стало...

Назавтра крестьяне, которые год назад приветствовали «милого господина», пришли во двор усадьбы, чтобы проводить его в последний путь. В глубокой скорби Адольфа похоронили на дягилянском кладбище. Белорусская земля приняла тело своего сына, который прославлял достоинство ее народа в чужих краях...

Одной беды оказалось мало. По возвращении с похорон обнаружили еще одно бездыханное тело. Убитые горем по ушедшему из жизни Адольфу, родственники не заметили, как отлетает душа из невинного тела Касыльды, дочери Января. У несчастного отца не было слез, чтобы оплакать глубину потери единственной дочери. В молчании ее похоронили рядом с могилой дяди Адольфа.

Через несколько дней в Койдановском парафиальном костеле за отошедших в мир иной прошла поминальная служба. В глубокой печали съехались близкие и дальние соседи. Молитва ксендза Виктора Малевича была трогательной и проникновенной...

Так закончился путь земной Адольфа Янушкевича.

НЕ ПОДДАВАЯСЬ ЗАБВЕНИЮ

Сколько же за два столетия произошло событий, которые во многом изменили устройство мира, отношения в нем! А как же Дягильно? Как на нем сказалось дыхание времени?

Адольфа очень беспокоила угроза конфискации усадьбы. Из-за него эта трагедия коснулась бы лично всех родных. Имуущественное дело Янушкевичей рассматривалось в различных инстанциях, бюрократическая волокита тянулась ни один год. Тем не менее, родственники и после смерти Адольфа продолжали жить в Дягильно.

В 1871 году Ефстафий высказывал сожаление о том, что отец, Михаил Янушкевич (похоронен в Вильно), не лежит в Дягильно, где похоронены Адольф и четверо детей Януария. Здесь же покоится и мать, которая умерла в 82 года, на три года пережив Адольфа.

«Какое это красивое место для вечного упокоения», – говорил о семейном кладбище Ефстафий. Дальнейшее владение усадьбой он предлагал передать Тадеушу, сыну брата Ромуальда, как единственному мужчине, который остался в их роду. Сам Ефстафий в Дягильно больше не приезжал и похоронен на парижском кладбище в Монмранси. Владели Янушкевичи усадьбой до 1879 года.

Братья Адольфа, Ефстафий и Ромуальд, хотели сразу же опубликовать его записи, признав их весьма интересными для европейцев. Даже журнал для этого подобрали – «Ундину друскенинских источников». Но Адольф был категорически против: ему, как политическому ссыльному, запрещалось публиковать любые статьи. А вот своему другу, Густаву Зелинскому, при условии не указывать источник, разрешил использовать его описания в стихотворной поэме, названной «Киргиз». В 1861 году, после смерти Адольфа, дневники и письма из путешествия по казахской степи братья издали в Париже.

Письма лежали в Дягильно. Брат Януарий сделал их копии, которые и сейчас хранятся в Париже. В 1875 году часть наиболее ярких писем была опубликована в Берлине.

После октябрьской революции 1917 года изменилось отношение не только к собственности, но и к культурному наследию. В 20-е годы прошлого столетия с дягильнянского кладбища растаскивались камни для кладки печей в соседней деревне. Так бывшее место высокой духовности стало приходить в запустение...

В 1966 году об А. Янушкевиче вспомнили благодаря преподавателю КазГУ Фаине Стекловой, которая его «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» перевела на русский язык и опубликовала в Алма-Ате. До этого времени дневники А. Янушкевича не упоминались ни в одном библиографическом справочнике по истории Казахстана. Книга вышла в издательстве «Казахстан» тиражом 7900 экземпляров, по советским временам она стоила 56 копеек. Есть сведения, что Фаина Стеклова в 1978 году приезжала в Дягильно.

В 1979 году казахский перевод «Дневников и писем» сделал Мукаш Сертекеев.

К 200-летию А. Янушкевича в Польше была издана книга «Listy z Siberii», дополненная материалами Фаины Стекловой из российских и Яна Тринковского из польских архивов. Анна Судник-Матусевич из Дзержинска сделала ее перевод, и на белорусском языке книга вышла в свет в 2008 году весьма ограниченным тиражом.

Начиная с 80-годов прошлого столетия, энтузиасты не раз пытались наводить на кладбище порядок. Под руководством научного сотрудника Института истории Академии наук Беларуси Николая Кривольцевича здесь велись раскопки. Появлялись публикации в прессе. Свое слово сказали известные в Беларуси авторы – профессор, доктор филологических наук Адам Мальдис, историк-краевед Анатолий Валаханович. Однако этих усилий было явно недостаточно, чтобы по-настоящему осознать значимость личности Адольфа Янушкевича, оценить его вклад не только в культуру отдельных стран, а и в мировое культурное наследие.

«ЗОЛОТОЙ МОСТ», ПРОЛОЖЕННЫЙ ПЕРОМ

...Утро выдалось не по-ноябрьски теплым. Из небесной глубины через стену густого тумана настойчиво пробивалось солнце. Казалось, природа замерла, но это не было дряблым увяданием старухи-осени. В ее уходе на покой было нечто гордо-величавое. Она сохраняла свое достоинство перед неизбежностью наступления предзимья.

Не с таким ли душевным настроем – светлой грусти – идем к могилам своих предков? С ними нас связывают одни гены. В наших жилах течет, близкая с их кровью, наша кровь. Идем поклониться их памяти, осознать на этой земле свою роль...

...Дягильнянскую улицу заполнил поток людской реки. Отдать дань уважения Адольфу Янушкевичу собрались люди разных должностей, званий, те, кто постарше и пытливая молодежь – всем хотелось прикоснуться к величию этого имени. У символического памятника, созданного скульптором Валерианом Янушкевичем, люди выражали свои лучшие патриотические чувства, на которые их вдохновил «один из лучших наших «Дзядоў». Молитва ксендза костела святой Анны в Дзержинске Рышарда Пежхалы вознеслась к небу, прославляя земные труды дорогих нам предков, призывая хранить светлую о них память.

Принять участие в Международных Койдановских чтениях, которые в тот же день прошли в Дзержинской центральной библиотеке, пожелали многие ученые, писатели, общественные деятели, просто неравнодушные к истории родного края люди. Обстоятельный доклад сделали школьники – и это тоже стало хорошим знаком.

Заместитель председателя комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Владислав Цыдик, главный инициатор всей подвижнической деятельности по признанию заслуг Янушкевича, говорит о том, что нельзя предавать забвению историческое прошлое своей Родины. Адольф Янушкевич создал неувыдающее наследие, и наш святой долг – быть благодарными за это Великому Человеку. Его имя и сегодня объединяет народы.

По мнению Ергали Булегенова, Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Казахстан в Республике Беларусь, Адольф Янушкевич своим пером проложил золотой мост между далеким казахским краем и культурой Европы. По этому мосту может двигаться и экономическое сотрудничество, что, собственно, подтверждают реалии современной жизни – участие Беларуси и Казахстана в едином Таможенном союзе. Нынешний представитель рода Янушкевичей, Феликс Янушкевич, тронутый столь высоким уровнем торжеств, по-своему определил их значимость: «Могила матери Адольфа, которая вопреки всем разрушениям, сотворенным вокруг, сохранилась, служит свидетельством того, что такая земля не подлежит забвению. Дух ее нельзя истребить, он все равно будет возвращаться. Как и Адольф, находясь в изгнании в Сибири, сердцем был в Дягильно».

Члены казахстанской делегации Михаил Буланов, руководитель портала belarus.kz, заместитель председателя культурного центра «Беларусь в Казахстане» Сакен Сейфуллин, бизнесмен, общественный деятель, меценат и писатель Омар Хаким подчеркивали: Адольф Янушкевич показал пример того, какие белорусы достойные люди. Казахи были едины во мнении: сейчас их время увереннее протянуть руку дружбы к родине очень уважаемого ими человека. Тем более, что

гости сами убедились в том, насколько гостеприимна белорусская земля.

Все это и дало толчок для создания Международного казахско-белорусского Фонда имени Адольфа Янушкевича, в планах которого – осуществление масштабных проектов. В Казахстане улицы носят имя Адольфа Янушкевича, чего пока нет в Беларуси. Да, и самих книг, главных популяризаторов творчества А. Янушкевича, крайне мало. Кроме их издания, был бы очень кстати фильм, посвященный судьбе нашего земляка.

Требует дальнейшей мемориализации семейное (Панское) кладбище в Дягильно. Интерес к творчеству Адольфа Янушкевича проявляют многие исследователи, но и неизвестных страниц в книге его жизни еще немало. Хотя есть все основания рассматривать роль Янушкевича в более широком преломлении, как к эпохе того времени, так и в актуальности его идей в нынешнем тысячелетии. Говорится о необходимости детального исследования значимости всей родословной Янушкевичей, и другие выходцы из которой были неординарными личностями.

К участию в работе Фонда могут подключиться все страны, где так же чтут наследие А. Янушкевича. Как, например, небезразличен к судьбе Янушкевича казахстанский режиссер Сергей Шафир, живущий в Израиле.

Главный итог Международных Койдановских чтений прозвучал в словах главного редактора, директора Дирекции зарубежного вещания Белорусского радио (радиостанция «Беларусь») Наума Гальперовича: «По-прежнему мы только сейчас по-настоящему открываем имена уроженцев Беларуси, которые стали известными деятелями науки, культуры, искусства в других странах. Мы уже чтим Костюшку, Черского, Домейку, Шагала, которые имеют всемирную славу. Однако, по свидетельству профессора Адама Мальдиса, таких отличных сынов Отчизны, которые имеют международное признание – около трех тысяч.

Гордиться своим, знать свою историю и культуру – это и есть высокий патриотизм. Он абсолютно не мешает интересоваться культурой и историей других народов, жить в тесных дружеских отношениях с ними. Как говорит народная мудрость, не будешь уважать себя, не будут уважать тебя другие».

* * *

Увлечись астрономией, Адольф Янушкевич проникал в тайны Вселенной. Удалось ли ему разглядеть там свою звезду? Сможем ли мы отыскать ее? Возможно, будет суждено сбыться и еще одному пророчеству, тому, которое было размещено на памятнике Янушкевичу. Автор этой стихотворной надписи – его товарищ по Виленскому университету поэт Эдвард Одинец: «Пусть и терпел муки перед глазами людскими, однако, не покидает надежда на его бессмертие»...

г. Минск

